

Григорий Померанц Обучение Шветакету

Две с половиной тысячи лет тому назад молодой человек, по имени Шветакету, закончил курс наук и вернулся к отцу. – Чему же тебя научили? – спросил отец, Уддалака Арунья. Юноша перечислил тогдашние науки: грамматику, медицину, астрологию... – А научили тебя тому, что ведет к вечности? – спросил Уддалака. – Нет, этому нас не учили, – ответил Шветакету.

Разговор этот условный, нужный для зачина. На самом деле, и в VI и в VIII веке до Р.Х. и еще раньше брахманы учили наизусть веды, а там уже были все зачатки позднейшей религиозной философии. Но Уддалака Урунья хотел по-новому говорить о целостной вечности, и превратил в знак, в символ простое местоимение «то» (на санскрите «тат»). «Тат», в его устах, – это – знак недвойственности, знак нераздельности всего и ничто. Потом буддисты преобразовали местоимение «тат» в существительное «татхата» и стали обозначать татхату кружком. За этот кружок уцепились математики. Поставят кружок после единицы – получается десять. Поставят до единицы – одна десятая. Так игра с мистическими терминами положила начало десятичному счислению. Однако Уддалаку «тат» важен был сам по себе, как термин для обозначения безымянного, ускользающего от всякого определения. И весь разговор его с сыном – своего рода акафист «безымянному переживанию», как это впоследствии уже в XX в., назвал другой индеец – Кришнамурти. Каждый абзац – восхваление «тат», которое кончается заклинанием: тат твам аси! (то ты еси, то – это ты). Ищи недвойственную, целостную истину в глубине самого себя!

За две с половиной тысячи лет этот призыв не устарел. Определить «то» нельзя: у него нет границ, пределов. Это океан, залив которого – в нашем сердце, в последней его глубине. Рассудок, стремясь к пределам, отрезает залив от океана и превращает его в лужу, где заводится всякая пакость. Антоний Сурожский писал: «Всякий грех – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной». Определения этой глубине даются или традиционные

(Бог, Брахман, Дао), или отрицательные. Существует целая богословская дисциплина, – негативное (апофатическое) богословие. В опыте подвижников безымянное переживание называется благодатью. Серафим Саровский, после долгого безмолвия, показал Мотовилову, что это такое, и назвал «стяжанием Святого Духа». Но Святой Дух, как известно, веет, где хочет, и ускользает от определения. Поэтому древние индийцы дали термин – «то», – ничуть не хуже других. Культура, потерявшая «то», становится механической и вызывает тоску, вызывает неразрешимый вопрос о смысле жизни.

Стабильные эпохи, как правило, набрасывают на «то» покров слов, символов, сквозь которые «то» светится и до некоторой степени отождествляется со словами, символами, обрядами, таинствами, иконами, так что некоторое чувство «то» все же освещает установленный порядок жизни. Но в эпохи кризиса культуры «то» совершенно исчезает в массе частных наук и привычек к частным формам исследования частных проблем. И в итоге – «скучная история» чеховского профессора, который знает очень много полезных вещей, но совершенно потерял «то».

Сегодня архаический язык религии, бывший живым много веков назад, перестает доходить до сердца. А «то» просто выброшено из словаря. Только очень умный позитивист, Людвиг Витгенштейн, понимал, что «то» все-таки реально, и писал, в своем «Логико-философском трактате»: «мистики правы, но их правота не может быть высказана, – она противоречит грамматике». Таким образом, он по-своему пересказал утверждение Нагарджуны (жившего около начала нашей эры), что логика не дает подступа к истине целого: логическое предложение рассекает целое на субъект, предикат и связку, сцепляющую осколки, но целое из этой конструкции ускользает.

Чтобы выйти из тупика, надо признать, что логический анализ – не единственный способ познания; что глубина, разрыв с которой порождает рой грехов, передается скорее символами религии, великим искусством или просто от сердца к сердцу. Но искусство ведет к своей цели, не избегая тоски по утраченной культурой цельности, временами прямо обостряет эту тоску, как

многие страницы Достоевского, Толстого, некоторые стихи Тютчева. Большое искусство содержит в себе призыв к покаянию, родственник религиозному. Сейчас раздаются голоса, что юношей и девушек надо защитить от тоски. Она портит им жизнь и мешает давить конкурентов в борьбе за хорошие деньги. Действительно, мешает, будит совесть. Но мой опыт, – а я прожил 87 лет без больших денег, – никак не подтверждает, что в деньгах счастье. Напротив, и в минуты тишины на войне, и в захлебном бое, и в лагере, созерцая белые ночи, и в любви на ничтожной площади в 7 квадратных метров и с ничтожной зарплатой, и сейчас, со всем набором стариковских болезней, я чаще счастлив, глубже счастлив, чем победители конкурсов. Мне жаль молодых людей, которых освобождают от тоски по «то», которых толкают к успеху, опустошению души и самоубийству.